

Ле Руа

приключения
четырех
российских
матросов

К
острову Шпицбергену
бурей принесенных

*Государственное издательство
географической литературы
Москва - 1955*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1772 г. в С.-Петербурге вышла переведенная на русский язык книга Ле Руа, рассказывающая о беспримерном мужестве четырех русских людей, проводших шесть вынужденных зимовок на одном из безлюдных островов Груманта (Шпицбергена).

Вторично эта книга без изменений была выпущена в Ленинграде в 1933 г. издательством Всесоюзного Арктического института под редакцией, с предисловием и примечаниями профессора В. Ю. Визе.

Текст настоящей книги печатается по изданию 1933 г. Приводятся также отрывок из предисловия профессора В. Ю. Визе и его примечания (с некоторыми сокращениями).

Государственное издательство географической литературы

Москва - 1955

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ к изданию 1933 года

Печатаемый ниже рассказ о приключениях четырех русских промышленников, проводших на Шпицбергене более шести лет, являет собой красочную картину тех злоключений, которые иногда приходилось претерпевать нашим груманланам. Рассказ этот был составлен профессором истории и членом С.-Петербургской Академии наук Ле Руа * на основании сообщений, сделанных двумя героями рассказа — кормщиком Алексеем Химковым и его сыном матросом Иваном Х и м к о в ы м, специально для этого вызванными из Архангельска в Петербург. Оригинальное сочинение Ле Руа было написано на немецком языке и издано в 1760 г. в Риге и Митаве под названием: «Erzahlung der Begebenheiten vier Russischer Matrosen, die durch einen Sturm zur Insel Ost Spitzbergen verschlagen wurden». Это сочинение возбудило в свое время громадный интерес и вскоре было переведено на различные языки. В 1766 г. вышло французское издание (повторные

* Петр Людовик Ле Руа (Le Roy), француз по происхождению, род. в 1699 г. в Везеле и жил в Германии до 1731 г., когда был вызван в Россию для занятия места наставника при сыне Б и р о н а. Вскоре по приезде в Россию Ле Руа был назначен экстраординарным академиком по кафедре новой истории. В 1748 г. он был уволен со службы в Академии и вслед за тем покинул Россию. Ле Руа умер за границей в 1774 г. (П. Пекарский. История Академии наук, СПб., 1870, т. I).

были изданы в 1767, 1777, 1782 и 1801 гг.), в 1768 г.— голландское, в 1772 г.— русское, в 1773 — итальянское и в 1774г.— английское. Впоследствии появились также многочисленные переделки сочинения Ле Руа*. На русском языке последней из таких является книжка Н. К. Лебедева «Архангельские Робинзоны» (ГИЗ, 1928; 2-е изд., ОГИЗ, 1930).

Печатаемый ниже рассказ о приключениях Алексея Химкова и его товарищей взят с русского издания 1772 г. («Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили», СПб., 1772. 12°) без изменений за исключением орфографии и знаков препинания. Этой перепечаткой оригинального русского издания, представляющего сейчас большую библиографическую редкость, мы надеемся оживить в памяти читателя те отдаленные времена, когда исследованию Арктики еще не помогали наука и техника. Читатель вместе с тем увидит из этого скромного рассказа, что освоению Арктики способствовали не только научные экспедиции, но и наши поморы, пускавшие в Ледовитое море на далекий Грумант с ничтожными средствами, не вооруженные ни знанием, ни техникой, и все же побеждавшие стихию благодаря своему мужеству, выносливости и находчивости. Эти качества и в наше время — время мощного социалистического натиска на Арктику — так же необходимы полярному исследователю и мореплавателю, как они в старину были необходимы груманланам.

* На русском языке в «Русском Вестнике» 1812 и 1818 гг.; «Сыне Отечества» в 1822 г.; «Северной Пчеле» в 1846; «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» в 1846; «Руси» в 1864 и др.

В. Ю. Визе

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
четырехъ
РОССІЙСКИХЪ
МАТРОЗОВЪ

къ
острову Ост -Шпицбергену
бурею принесенныхъ ,

они шесть летъ и три
месяца прожили.

Переведено съ немецкаго»

въ санктпетербурге

1772 года

Долговременные путешествия, а особливо морем чинимые, часто бывали причиною многих приключений, кои нередко выходили из пределов вероятности. И хотя мы много почитаем тех писателей, которые предавали памяти таковые приключения за свои собственные, однако же, положившись совсем на их объявения, опасаемся, чтоб не быть излишне легковверными, что вредно и противно нашему рассудку. Но и то часто случалось, что обвиненные сперва во лжи писатели после совершенно оправдались нечаянными судьбы велениями. Здесь не нужно приводить тому примеры. Я намерен описать, сколько можно будет кратко, такие приключения, кои хотя в некоторых случаях и могут числиться между вероятными, но по крайней мере не совсем и достоверны, и как бы нарочно разными чудными подробностями украшены для того, чтобы тем читателя привести в некоторое удивление. Я должен по истине признаться, что я сперва не знал, как мне об этом рассуждать, до тех пор, пока не получил первого о том известия из города Архангельского от находившегося в оном директора конторы при сальном торге г. Вернезобера. Но как матрозы, о которых я здесь говорю, зависели некоторым образом от графа Петра Ивановича Шувалова, коему блаженные и вечнодостоинные памяти государыня императрица Елисавета Петровна пожаловать соизволила китову ловлю¹, то я просил ее сиятельство, чтобы он приказал тем людям от города Архангельского приехать сюда, дабы мне их расспросить по моему желанию. Его сиятельство не токмо не преминул учинить сие, но и сам возымел великое желание их видеть и говорить с

ними. Чего ради послал в Архангельский город, откуда медленно присланы были сюда в Петербург двое, а именно: штурман Алексей Химков², который имел от роду пятьдесят лет, и один матроз по имени Иван Химков, который имел от роду тридцать лет. Они приехали сюда в начале 1750 г. и 8 января я впервые имел случай с ними говорить. У них привезены были с собою разные вещи своей работы, которые я после опишу и кои взяли с собою для поднесения графу Шувалову. Я имел случай рассматривать их со всевозможным вниманием и задавал людям сим неоднократно все те вопросы, которые мне казались нужными, чтобы увериться о истине.

Итак, по моему мнению, не несправедливо будет, когда я скажу, что по всем сим предосторожностям нижеследующее описание не может подвержено быть сомнению.

Еще одно некоторое обстоятельство делает сие приключение наипаче достоверным. Как скоро сии несчастливые мореплаватели прибыли в Архангельский город, то приказал тутошнего Адмиралтейства обер-аудитор г. Клингштадт привести их к себе и, расспросив их обо всех приключениях, записал ответы их в том намерении, чтобы оные издать в свет. Потом несколько времени спустя приехал он в Петербург и, увидев по случаю сочиненное мною описание, он признался, что мое сочинение совершеннее и полнее его. Него ради, оставив намерение издать его печатанием в свет, сообщил мне для пополнения моего описания, что я и подлинно учинил, в рассуждении тех особых обстоятельств, о которых я позабыл спросить сих мореходцев, а он от них наведалься.

Оба сии сочинения в рассуждении тех обстоятельств, о которых мы сих мореплавателей спрашивали, ни в чем не разнствовали. Сие-то и служит неоспоримым доказательством, что они нам ничего другого, как токмо что в самом деле происходило, сказывали, ибо в разные времена и не в одном месте завсегда они одно говорили.

В 1743 г. вознамерился некто именем Еремий Окладников, житель города Мезени, что в Югории, которая составляет часть Архангелогородской губернии, снарядить судно и отправить на нем четырнадцать человек к острову Шпицбергену для ловли китов или моржей, коими россияне отправляют сильную торговлю³.— Целые восемь дней имели сии люди способный ветер, но в девятый день он переменялся. Вместо того чтобы им достичь западной стороны

Шпицбергена, куда ежегодно ездят голландцы и другие народы ловить китов, прибиты они были к восточной стороне сих островов, а именно к Ост-Шпицбергену, который у русских известен под именем Малого Бруна⁴, а собственно остров Шпицберген называется Большим Бруном. Лишь только они версты на три шли или на половину немецкой мили к нему подъехали, как вдруг судно их запер лед, что им причинило весьма великую опасность. Они начали думать, где бы им перезимовать; тогда штурман припамятовал, что некоторые мезенские жители вознамерились однажды перезимовать на оном острове, и для того взяли с собою из города приготовленный к постройке хижины лес, привезли его туда на своем судне, и будто действительно она построена в некотором расстоянии от берега. По сим штурмановым речам приняли они намерение прожить здесь зиму, ежели означенная хижина, как они уповали, еще цела. Ибо они ясно видели, что каким-нибудь случаем погибнут, ежели останутся на море. Чего ради отправили четырех человек с судна искать оной хижины и других к перезимованию потребных вещей, ежели еще можно того надеяться. Оные назывались штурман Алексей Химков и три матроза Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин.

Как сей остров был совсем пуст и необитаем, то им непременно надлежало снабдить себя оружием и съестными припасами. Но, с другой стороны, принуждены были они почти целую милю итти по льдинам, волнением и ветром костром намешанным; отчего они имели в пути сколько опасностей, столько и трудностей. Следственно, им не должно было много при себе иметь груза, дабы не провалиться и не потонуть.

После сих размышлений взяли они с собою ружье, рожок с порохом на двенадцать зарядов и на столько же пуль, топор, маленький котел, двадцать фунтов муки в мешке, огнюнку и несколько труту, ножик, пузырь с курительным табаком и каждый по деревянной трубке. С сим малым оружием и запасом прибыли они на остров.

Тут начали они по нем ходить и нашли в скором времени ту хижину, которую искали: она построена была от берега почти на четверть мили в расстоянии. В длину имела она около шести сажень, а в ширину и в высоту по три. При ней сделаны были сени или передняя горница, шириною сажени в две, следственно были в ней и две двери: одни для затворения сеней, а другие для затворения

хижины, и сие весьма много способствовало к тому, чтобы тепло не выходило из горницы, когда она истоплена будет. Наконец, была в сем покое и глиняная русская печь без трубы, которая служит не только для варения кушанья, но и для нагревания избы и на которой можно ложиться, как обыкновенно делают крестьяне в России, когда холодно.

Я упомянул, что из той печи, которая находилась в сей хижине, не было совсем трубы, и сему не должно удивляться, потому что крестьяне в России строят по большей части таким образом свои дома. А чтобы выпустить дым, которого горница полна бывает, ежели затоплять печь, открывают двери и три или четыре окошка, которые в длину имеют один, а в ширину половина фута, и кои прорубаются в стенах. Сии окна ежели надобно затворить, то делается оное посредством нарочно сделанной к тому доски, которую меж бревен вдвигать можно. Итак, когда печь затопится, то дым никогда не доходит далее сих упомянутых мною окошек, в избе сидеть можно, и дым не очень беспокоит, ибо он выходит или в растворенные двери или в окошко, смотря как ветер в горницу проходит. Можно легко усмотреть и без моего напоминания, что потолок в такой избе по самые окна бывает так черен, как будто бы оный весь сделан из черного дерева; но, напротив того, от полу по окна бывает так чисто и бело, как и самое дерево, из которого она построена.

Обрадовавшись, что нашли сей шалаш, который, будучи давно построен, от ненастья и худой погоды несколько поврежден был, переночевали они в нем так спокойно, сколько можно было. Поутру на другой день пошли они на берег, чтобы пересказать своим спутникам о своем счастье и чтобы вынести из своего судна съестные припасы, всякое оружие и словом все те вещи, которые почитали нужными для препровождения зимы на сем острове.

Легче будет себе представить печаль и уныние сих несчастных людей, нежели оное изобразить словами. Пришед на место, где они вышли на берег, они увидели только отверстое море и совсем не нашли льду, которым оно накануне покрыто было, но к самому большому своему несчастью не увидели и судна. Поднявшаяся в прошлую ночь жестокая буря причинила сие великое бедствие. Думать можно, что или стеснившие судно льдины разломались и, с стремлением наперши, разрушили его; или они умчали его с собою в пространное море, или оно от какого-нибудь другого случая погибло; довольно, оно пропало совсем из виду. Но

как не получили они об нем и в следующее время никакого известия, то можно, несомненно, заключить, что оно каким ни есть случаем погибло; и как сие обстоятельство удостоверило их, что им нет больше надежды оставить сего острова, то возвратились они с великою печалию назад в свою хижину.

Первое их старание и упражнение состояло в том, как легко поверит* можно, чтобы сыскать себе пропитание и жилище.

Двенадцатью зарядами пороха, который они при себе имели, получили они в короткое время двенадцать сайгачей, или диких оленей, которые, по их счастью, находились в великом числе на том острове.

А как сей зверь известен только в северной части Европы, как то в Лапландии и в полунощных странах Азии, то я не отступлю далеко от своего намерения, когда сделаю ему описание.

Сайгачь⁵ много имеет сходства с оленем и с лосем. Он бывает обыкновенно пепелистого цвета, однакож попадаются иногда и такие, которые цветом красноваты. Он бывает толще и более обыкновенного оленя; но ноги у него короче и толще оленьих. Рога у него гладки и беловаты и имеют больше сучков, нежели оленьи: лосевым рогам они весьма подобны. Когда оный олень бежит, то делает составы в своих ногах великий шум, и сие может также слушать к различию его от обыкновенного оленя. Лапландцы, самоеды и часть тунгузов, которые от слова олень (так на зывают россияне сего зверя) слывут оленными⁶ тунгузами, потому что они их впрягают в сани и употребляют вместо лошадей; ибо сии олени имеют нарочитую силу и бегают весьма скоро. Они питаются только мхом, который растет в великом изобилии во всех полунощных землях; и так они находят для себя везде корм, разрывая ногами снег, так что хозяину держать их не убыточно. И хотя некоторые объявляют, что оной зверь не может жить вне своей земли, в которой он родился, однако я могу доказать, что сие объявление неосновательно и ложно. В 1731 г. видел я в Москве, что двенадцать таких оленей, тамошнему канцлеру графу Головкину принадлежавших, паслись на лугу, при реке Яузе, которая протекала подле его сада. В 1752 г. приказал граф Петр Иванович Шувалов от города Архангельского привезть сюда пару: самца и самку и их кормили только одним мхом. Самка принесла одного молодого оленя, КОТО

рый — чему удивляться должно — вырос и до следующего 1754 г. был совсем здоров. Сие я сам видел своими глазами, живучи в Москве, но не знаю, как долго они прожили, потому что я в том же году возвратился в Петербург. По сем малом отступлении возвращаюсь опять к своему предмету.

Обретенная столь счастливо матрозами хижина повреждена была только в том, что бревна, из которых она построена, в разных местах развалились, и находившийся между оными мох выпал, отчего ветер свободно проходить мог насквозь. Но им не трудно было сие исправить, у них был топор, и дерево не сгнило. Известно, что в сих холодных землях дерево весьма долго держится и не подвержено бывает ни гнилости, ни червоточине. И так им невеликого труда стоило раздвинувшиеся бревна сколотить. А как мху на сем острове находится великое изобилие, то они могли им хорошо затыкать все дыры; сие завсегда требуется при построении деревянных изб, чего ради они о починке своей хижины нимало не беспокоились, тем наипаче, что почти всякий российский мужик умеет плотничать, строить сам избы и знает хорошо употреблять топор.

Стужа бывает в сих странах несносная, почему и не может земля произращать не токмо больших дерев, но ниже малого кустарника. Сей недостаток в лесе приметен стал сим несчастливцам, как скоро они походили по оному острову, отчего они по причине стужи думали умереть. Однако по счастию их прибываемы были к берегам сего острова отломки от судов, кораблекрушение претерпевших, который случай снабдил их дровами довольно на первую зиму. Подобно и в следующие годы пользовались они ими с гораздо большею отменою: морские волны прибывали к ним целые деревья и с кореньями, но они не ведали, где сии дерева выросли. Сие не столько невероятно будет казаться, ежели принять в рассуждение то, что объявляют разные путешественники, которые принуждены были перезимовать или в Новой Земле, или в других, еще далее к северу лежащих землях⁷. Ничто так не подавало сим бедным людям с начала их заточения толикой помощи, как доска, в которую вбит был железный крюк и несколько гвоздей, имевших в длину от 5 до 6 дюймов и надлежащую по длине толщину; также другие доски, при которых находились разные железные вещи, оставшиеся, к сожалению, от некоторых кораблей, кои претерпели несчастье и в сих отдаленных морях разбиты. Сию неожиданную помощь увидели они в самое

то время, как не стало у них пороха и как они почти всех убитых оленей съели и думали с голода умереть. С другой стороны, толикого уважения достойное счастье они получили тем, что на берегу острова нашли елевой корень, имевший почти совершенную фигуру лука.

Нужда побуждает обыкновенно к трудолюбию. Приметили они, что можно было им превратить помощью своего ножа тот корень в настоящий лук, который они действительно и сделали. Но сперва казалось им трудно сыскать тетиву стрелы. О сем начали между собою рассуждать и вознамерились сделать сперва только две рогатины, для своей обороны от белых медведей, которые гораздо лютее обыкновенных, и коих надобно им было всеконечно опасаться. Делание же стрел и сыскание тетивы, для напряжения своего лука, отложили они до другого времени. Но чтобы ковать железо для рогатин и стрел, то весьма нужен был им молоток, и вот каким средством достигли они в том желаемого.

Железный крюк, который, как я упомянул, утвержен был в найденной ими доске, имел нарочито длинную дыру, которая находилась на два или на три дюйма от конца, противоположного шляпке; сия же головка или шляпка была кругла и толста, как обыкновенно у таких крючьев бывает. Взявши сей крюк, расколотили пробитой уже его конец и, поставив в дыру самый толстый гвоздь, начали ее раскачивать; потом расширили ее топором более, нежели на пять дюймов, вбили обвостренную палку, которая им служила вместо черена, и так сделали они молоток. А чтобы в совершенство привезть свою кузницу, то сыскали они большой дикой камень, который служил им вместо наковальни; из двух оленьих рог сделали они клещи. Сими инструментами сковали себе два железца на рогатины, которые, выгладив хорошенько и выточив на камне, старались как возможно прикрепить вырезанными из оленьей кожи ремнями к палкам, толщиною в руку, которые доставали они от сучьев. С оными рогатинами, которые можно назвать и копьями, приняли они намерение учинить нападение на одного белого медведя, которого и убили, но с великою опасностью. Низложив сего лютейшего зверя, употребили мясо его в пищу, которое находили столько же вкусным, как и говядину, в чем меня уверяли самые те люди, с которыми я говорил. Что же касается до жил того медведя, то приметили они с неизреченною радостью, что можно было их легко разрезать на

толстые или тонкие ремешки, сколь толсты или тонки они были им надобны. Я сам сие испытал, о чем объявлено будет после. И сие изобретение было для них лучше и полезнее всех других, кроме тех выгод, которые они от них получили, и кои показаны будут ниже. Сделали они себе из того тетиву, которою стянули свой лук, помощью коего убивали они во время своего пребывания на том острове оленей, черных и белых лисиц, которые им служили пищею, давали одежду и другие средства к защищению себя от лютой и несносной стужи, которая бывает в сих к полюсу так близко лежащих землях.

Счастливым успех сих островитян в сделании копий был им великим поощрением к тому, чтобы сковать немедленно четыре железца на стрелы, которые имели также подобие первых, но только поменьше их были. Выгладив и обточив оные подобно прежним, привязали их тоненькими ниточками, из жил медвежьих сделанными, к еловым палочкам, которые обвязали оными же жилками с чаечными перьями. И сие им так благополучно сделать удалось, что они во все свое пребывание на том острове убили сими стрелами 250 оленей, не считая великого множества черных и белых лисиц. Сих последних называют россияне песцами, по причине весьма великого подобия их с некоторым родом исландских собак, которых употребляют обыкновенно немецкие пастухи для охранения овец.

Что же касается до белых медведей, то хотя они и убили их целый десяток, однако завсегда подвергаясь великой опасности. Сии звери имеют ужасную силу, ибо когда островитяне должны были им сопротивляться, то они обороняли себя с великою отважностью и на одного только первого, о котором я упомянул, учинили они сами нападение, других же убили они, обороняясь от их нападения; ибо некоторые из них были столь смелы, что ломались силою к ним в хижину и хотели их растерзать. И хотя все сии звери, которые к ним приступали, не одинакую имели и оказывали смелость, или для того, что не очень голодны были, или потому, что от природы не весьма были свирепы; ибо одни из них, пришед к избе, обращались в бегство от крику, который поднимали сии люди, приготавливаясь к отогнанию их; однако же со всем тем причиняли они сим людям нападениями своими несказанный страх, так что они, какая бы нужда им ни была, не смели выходить из избы по одиночке

и без рогатин, коими они обороняться могли от сих злых зверей, коих хищности беспрестанно должны были опасаться.

Сии три рода зверей, о которых я упомянул, как то черные и белые лисицы, также белые медведи, были нашим островитянам единственно токмо пищею во все то время, которое они пребыли в сей пустой земле.

Всех к пробавлению жизни средств вдруг изобрести не можно, но обыкновенно отворяет нам глаза нужда и приводит на ум такие вещи, которых бы в другом случае совсем и вздумать не можно было. А что сие примечание справедливо, то многими опытами изведали сии люди. Они принуждены были нарочито долгое время есть почти совсем сырое мясо и притом без соли, которой совсем у них не было, и без хлеба. Безмерная стужа в сей стране и разные неудобности не позволяли им надлежащим образом варить мясо: в хижине у них была только одна русская печь, следовательно в ней не можно было ставить котлов. С другой стороны, претерпевали они великой недостаток в дровах, ибо ежели бы разводил им огонь и на дворе, то бы от того не могли пробавиться дровами для своей хижины. Наконец, беспрестанный страх и опасение от белых медведей препятствовали стряпать кушанье и на дворе. Но положим, что они, несмотря на все сии препятствия, и приняли бы сие намерение, однако не могли бы того продолжать, как разве малую часть года, ибо, представив безмерную стужу, которая почти всегда в сем климате стоит, долговременное отсутствие солнца, которое погружает несколько месяцев все в глубокую темноту, невероятное множество снега, который здесь зимою почти всегда выпадает, и продолжающийся иногда дождь (о коих обстоятельствах я после говорить буду),— без сомнения, принудили бы их в скором времени переменить свое намерение, ежели бы они то и приняли. Итак, чтобы отвратить недостаток в дровах, который их принуждал есть сырое мясо, вздумали они обвешивать оным свою хижину, которая, как я уже упомянул, каждый день была наполняема дымом, восходящим вверх почти на ровень с сидящим человеком, и как она служила им некоторым образом вместо копильни, то развешивали они мясо на палочках в верхней части кровли укрепленных, так что медведи не могли его доставать. И так висело оно у них все лето на вольном завсегда воздухе, отчего так хорошо высохло, что заступило место хлеба, и тем способнее было им есть другое мясо, которое надлежащим образом не уваривалось. Сделав

сей опыт и приметив к великому своему удовольствию, что он по их желанию удачен, продолжали таким образом и во все свое пребывание и умножили свои запасы, сколько можно было.

Ежели кто станет вопрошать, каким образом они сие средство воздумали, то нетрудно будет на то ответить. Нет ни одной земли, где бы не коптели как окороков и гусей, так и различного рода рыбы; а в России введено во употребление и сушить на солнце, и провяливать на воздухе лососей, осетров и других разных рыб. По постным дням, а наипаче в великий пост, ставят их на стол без всяких приправ.

Объявив о их пище, должен я вкратце упомянуть и о том, что они пили. Летом утоляли они жажду водою из ручьев, которые обильно из камней на оном острове находившихся проистекали, зимним же временем, препятствовавшим им выходить часто из хижины, вносили они в избу снег и лед, чтобы растаял и преобразился в воду. Но я не должен умолчать и о том, что сосуд или судно, коим они черпали воду и из коего пили, был небольшой котел.

Цынга есть такая болезнь, которою обыкновенно одержимы бывают мореплаватели, причем примечено, что она имеет свое действие тем сильнее, чем ближе подъезжаешь к полюсу, причину же тому должно приписывать или стуже, или другим неизвестным нам обстоятельствам. Но как бы то ни было, однако сии бедные люди, будучи подвержены оной скорби и пришед совсем в отчаяние, не пренебрегли того средства, которое почитается за способное к отвращению оного лютого недруга'.

Сей способ показал своим спутникам Иван Химков, которому много раз случалось зимовать на западном берегу Шпицбергена. Он говорил им, что должно: 1) есть сырое и мерзлое мясо, разрезавши его на мелкие кусочки; 2) пить совсем теплую оленью кровь, как скоро его убьешь; 3) делать сколько можно движения телу и 4) есть сырой ложечной травы (*Cochlearia*) по столько, сколько можно будет; ибо сие растение одно токмо, да и то в нарочито малом количестве, здесь попадается. А можно ли помощью сих средств освободиться от цынготной боли, о том пусть доктора врачебной науки рассуждают, что ж касается до движения, то каждому известно, что оное надлежит иметь тем, кои должны опасаться сей болезни или оною уже одержимы. Впрочем, всяк знает, что ложечная трава имеет силь-

ное действие в излечении цынги, но какого бы свойства дело сие ни было, однако опыт доказал, что помянутое средство имеет над сею немощью свое действие. Трое матрозов, употребляя оное, избавились совершенно от сей скорби, а понеже они действительно гонялись часто за сайгачами и лисицами, то и привыкли к скорому беганию; особливо Иван Химков, младший из них, приобрел такую легкость, что он выпереживал самую быструю лошадь, что я видел своими глазами. Четвертый, по имени Федор Веригин, показывал всегда непреодолимое отвращение от оленьей крови; сверх же того он был не проворен и весьма ленив и оставался всегда почти в хижине. С самого начала прибытия его на остров впал он в сию болезнь, а в следующее время усилилась она в нем так жестоко, что он почти шесть лет в бессилиии несносном страдании препроводил. В последние годы своей жизни лежал он беспрестанно в постели, у него неоставало больше сил, чтобы встать прямо, и ниже он мог привести рук ко рту. Сие*принудило спутников кормить его до самой смерти, подобно как новорожденного младенца*.

* Хотя я о сильном действии разрезанного на мелкие кусочки сырого и мерзлого мяса в излечении цынготной болезни, также что должно больным пить оленью кровь, пока еще она не простыла, и изъяснил свое сомнение, однако кажется, должно сии обстоятельства принять в рассуждение. В первом томе путешествия, учиненных по берегам Ледяного и Восточного моря около Японии и Америки россиянами изобретений, которые издал в свет г. коллежский советник Миллер⁹, нашел я действительно тому пример, что жители северной части Сибири употребляют сырую и мерзлую рыбу для предохранения себя от лютой сей болезни и для излечения оной. Люди наши, говорит сей писатель на стр. 194 и 195, стали на зимовье при устье реки Хотуттоха. Тут начала между нашими людьми появляться цынготная болезнь, но оную выгоняли из тела помощью декокта, сваренного из кедровых прысков, которое деревцо там прирастает на подобие кустарника, и по здешнему обычаю употреблением мерзлой рыбы, которую едят сыроу, истерши намелко. Помощию сего средства и беспрестанной работы и движения большая часть остались здоровыми, а больные совсем выздоровели.

Может быть, выздоравливание больных должно приписывать одному только движению и содержащемуся в кедровых прысках балзаму, который не иное что есть, как скипидар, употребляемый к очищению крови, однакож отсюда явствует, что сии народы пользуются в излечении оной болезни сыроу и мерзлоу рыбою, что я единственно и объявить только намерен был.

Упомянутый писатель говорит на стр. 205 и 206 о крови, которую пьют от цынготной болезни. В таком случае (дабы предохранить себя от цынги и ее вылечить), говорит он, можно взять в пример архангелогородских россиян, кои, ежегодно почти проводя всю зиму

В начале сего повествования я уже упомянул, что сии матрозы принесли с собою на остров небольшой мешок с мукою, весом почти в двадцать фунтов; теперь я покажу, к чему они ее употребили.

Скоро по прибытии своем начали они ее употреблять себе в пищу таким образом, что варили ее с оленьим мясом, и так истратили ее почти половину. А что у них осталось, то служило им для такого употребления, кое по крайней мере столь же было нужно, как и то, о котором мы уже упомянули. Я объясню оное в нижеследующем.

Они усмотрели, что непременно должно было им иметь беспрестанный огонь, потому что они находились под толь холодным климатом, а не знали никакого средства загасившийся огонь скоро опять развести, хотя ж у них и были огниво и кремень, но недоставало им труту. Варварские народы, как то дикие американские жители, нашли способ, как добывать огонь, когда оный им понадобится. Сие делается посредством трения четвероугольной палки от крепкого дерева, которую вкладывают промеж двух штук мягкого дерева, а потом вертят оную с великою скоростью в руках так, что когда обе сии деревянные палочки, которые сжаты бывают коленами, разгорячатся, то начинают оные в короткое время дымиться, а потом и загорятся *.

в Новой Земле, свободны бывают от оной немощи. Они подражают в том самоедам и пьют почасту кровь только лишь убитого сайгача.

Но сие еще не все, как я издаваемое теперь в пубliku свое сочинение прочел г. доктору Б а т и н у, то он мне при сем случае сказал, что звериная кровь ежели бы ее пить совсем теплую, может быть способная не токмо к охранению от сей болезни, но и к излечению оной, потому что она летучим своим свойством (qualite volatile) густую влажность и соки может отвратить и разбить. Он говорил, что сия скорбь происходит от недовольного обращения влажности и соков, кои, испортившись, самую кровь заражают. Он утверждался между прочим на том, что свидетельствуется о путешествующих в Америку, а именно, ежели на корабле люди впадут в сию боль, то пристают к которому-нибудь острову, где водится множество черепов, отчего оные острова и звание получили ¹⁰. Тут дают есть больному многих черепов, кои по причине множества в себе крови и бальзамического ее свойства чрезвычайно полезны... Оное утверждается еще употреблением около Альпийских гор и по другим местам наблюдаемым. Тем, которые одержимы бывают колотьем и другими болезнями, кои происходят от недостатку обращающихся соков и влажности, дают пить кровь диких козлов (bouquetins). И хотя она кровь сухое имеет свойство, однако же в ней много находится летучих частиц, производящих благополучное в больном действии, чувствительную испарину и пот.

* См. Лабатово новое путешествие на Американские острова", где сей иезуит объявляет о Карабах сему подобное.

Я должен и то сказать, что не одним сим способом добывают огонь американцы, но некоторые из них имеют особый инструмент, который к тому способен. Примечания же достойнее кажется мне то, что и камчадалы достают огонь помощью сего же инструмента. О сем обстоятельстве должно справиться с вышепомянутым сочинением господина коллежского советника Миллера, стр. 257. Господин Ш т е л л е р ¹², усмотрев также американцев в другом месте, где они тогда обедали, и лишь только его завидели и убежали, нашел на том месте стрелу и инструмент к доставлению огня, который нимало не разствовал от употребляемого в Камчатке. Он примечает, что не иное что есть, как доска в разных местах проверченная, при которой бывает палочка, укладываемая одним концом в такую дырочку. Сию палочку, взяв за другой конец, вертят в руках с такою скоростью, что в дырочке огонь покажется, потом собирают искры на какую-нибудь материю, которая удобно загорается ¹³.

Правда, что наши несчастные матрозы не знали последовать в том американцам, однако ведали, что когда возьмешь две палки сухого дерева, из которых одна должна быть твердого, а другая мягкого, и станешь тереть одну с другою, то можно в последней произвести огонь; кроме того, что сим способом российские мужики огонь добывают в лесу, могли они сведомы быть о том чрез некие случаи, бываемые у них в некоторые времена, когда они разводят так называемый живой огонь. Способ, которым они производят сей живой огонь, есть следующий. Взяв за самые концы кленовую палку, которая должна быть весьма суха и имеет в длину почти целую сажень, трут ее с великою силою о березовое полено, которое также должно быть сухое. Таким образом показывается в короткое время пламя, которое служит к зажиганию упомянутых мною огней.

Но мы обратимся опять к своему предмету. Сие бесспорно, что они совершенно знали о сем живом огне и о способе производить оный, но как можно было им его произвести? У них были только еловые дрова, да и то сырые, которые прибываемы были к берегам. Так что должно было им воспринять, чтобы огонь у них не переводился. Вот какое они употребляли средство. Ходя по острову, заметили они, что посреди оного находится жирная глина. И так вздумали из оной сделать сосуд, который бы им служил вместо лампы, в коей бы горел беспрестанно жир убиваемых зверей.

Сие средство, которое они вздумали, было действительно разумнейшее. Ибо что бы им делать без огня во время зимы, когда в сих странах продолжается беспрестанно ночь чрез несколько месяцев. И так, размяв несколько оной глины, сделали такой сосуд наподобие лампы, а потом наполнили его оленьим салом и положили в него светильню, сделанную из тряпки. Но скоро заметили они, к своему несчастью, что сие судно начало всасывать в себя растопляющийся жир, а наконец стал уже он со всех сторон капать. Теперь надобно было им выдумать средство к отвращению сей неспособности, которая происходила оттого, что поры или скважины оного сосуда так были велики, что они сами легко усмотреть могли. В сем намерении сделали они другое, которое сначала высушили на воздухе, а потом, раскалив его, засушили жир в котле, в коем сварено было несколько муки, так что судно приняло некую тонкую скорбильную или крахмальную на себя твердость. После того, высушив свою лампаду и наполнив ее растопленным жиром, увидели, к великому своему удовольствию, что он в ней стал держаться.

Однако к большей безопасности обмочили они несколько лоскутков от своих рубах в помянутую вареную муку и облепили ими кругом свою лампаду. После сего счастливого в своем труде успеха приняли они намерение спрятать оставшуюся муку для сей потребы. Но понеже они также опасались и того, чтобы не приключилось им с оною лампадою какого-нибудь несчастливого случая, то для сей причины сделали они еще несколько с такими же предосторожностями, дабы в случае нужды не иметь в том недостатка.

Может быть, пожелает кто знать, откуда они брали те светильни, которые употребляли в починке. Однако ответить на то нетрудно будет. Между остатками разбитых кораблей, кои собирали они с великим старанием и во время зимы употребляли к топленю печи, находили они несколько канатов или веревок и малое число пеньки, которая по большей части делается из старых разбитых веревок для конопачения судов. А когда не ставало и сего, что однакож редко случалось, то употребляли они к тому свои рубахи и нижнее платье. Всякому, кто русских знает, известно, что между ими весьма мало находится таких, которые бы не носили порток, а почти все мужики штанов не носят. Таким образом свивали они светильни из сей пакли и из исподнего платья, которое простой народ носит из весьма толстой хол-

стины сделанное. И с того времени как сделали они первый ночник, немного спустя по прибытии своем на сей остров, не переводился у них огонь в жилище до тех пор, когда они, взошед на судно, отъехали в свое отечество.

Одно то, что они принуждены были сию существенную часть своей одежды, то есть рубахи и исподнее платье, употреблять на делание светильен, довольную подало им причину помышлять о делании себе платья из звериных кож, хотя одяние их и не износилось, что однакож очень скоро воследовало. Не упоминая о том, чего им не доставало к прикрытию нагого тела, не имели они и обуви, что еще важнее; наступало зимнее время, в которое должны были чувствовать несносную стужу. Итак, должны были они прибегнуть к изобретательному трудолюбию, которое редко в нужде людям не помогает. Они имели множество оленьих и лисьих мехов, которые служили им вместо постель и одеял; дело состояло только в выделке их, и вот как они в том поступили.

Сии кожи положили они на некоторое время в пресную воду, чтобы отмякли. Вынувши из воды, безо всякого труда соскабливали с оных шерсть и мяли их в руках до тех пор, пока они почти совсем не высохли; потом, вымазав их растопленным оленьим салом, начали опять попрежнему в руках мять.

Чрез сию выделку сделалась кожа мягка и гибка, так что они могли употребить ее ко всему тому, что только им надобно было. Что же касается до тех мехов, из которых они намерены были делать себе шубы, то вымачивали их только один день, дабы их способно было выделывать, и поступали таким же образом, как я уже упомянул, выключая только то, что не выскабливали волосов, и так по прошествии нескольких дней приобрели они трудом своим то, чем можно было им с головы до ног одеться.

Но еще оставалась великая трудность, которую должно было им преодолеть, а именно: они не имели шильев, чем бы шить сапоги или башмаки, ниже игол для сшивания платья. Но как у них было железо, о чем я выше упомянул, то изобрели скоро средство к отвращению сего недостатка. Они сковали себе из него шилья и иглы, почти столь же хорошие, сколько и те, кои прямыми сего ремесла художниками делаются.

Но каким способом они прокалывали игольные ушки, то сперва удивительно и не удобопонятно покажется. Однако

они достигли в том успеха посредством кончика ножа своего, который они на сей конец заострили и обточили, раскаливши сперва скованную на то проволоку. О истине сего объявленного мне ими обстоятельства я и сам мог увериться, ибо через одинакое увеличительное стекло смотрел я тщательно в дырки тех иголок, кои они привезли оттуда с собою. Что же касается до того, каким образом они сии иглы сделали круглыми и по надлежащему обточили и заострили, то в оном способствовали им камни, на которых они их обтачивали. Неудобность состояла только в том, что продернутые в иглы нитки иногда в ушках порывались; из чего видно, что они не так ровны и не так гладки сделаны были, как настоящие; но оной неудобности они не могли и избегнуть.

Хотя не было у них ножниц для разрезывания кож, которые они хотели употребить в дело, однако они в сем случае ни малой заботы не имели, потому что вместо того служил им столь же хорошо выточенный ножик. А как они ни в портном, ни в сапожном деле прямо не были искусны, то кажется, что им должно бы было находиться в несказанном смущении, как стало до того доходить, чтобы делать штаны, рубашки, камзолы, шубы, сапоги, башмаки и словом все, что только в летнее и в зимнее время к прикрытию их тела требовалось. Но я на сие отвечаю так: они имели очевидный образец всех сих вещей, кроме одних длинных шуб, но поелику к вымыслам одарены были великою способностью и трудолюбием, как из вышеозначенного довольно явствует, то нетрудно было им и кроить кожи надлежащим образом. Только в рассуждении ниток надлежало бы им поколебаться несколько мыслями, но уже прежде найденное ими средство разрезывать медвежьи и сайгачьи жилы на столь тонкие и толстые части, каковы были надобны, способствовало им к получению всех вещей, служащих к прикрытию тела от всяких непогод. Летом одевались они голыми выделанными кожами, а зимою, подобно самоедам⁴ и лапландцам, носили долгие шубы из невыделанных оленьих мехов. У оных шуб пришит был, подобный капучинскому, капюшон, который однако же лучше обходился около шеи и головы; а собственно он был не иное что, как большое отверстие для лица, потому что упомянутые шубы были совсем наглухо зашиты, так что когда надлежало надевать их, должно было, как мешок, взбрасывать на голову. Ежели бы не уныние, которое обыкновенно спутешествует уединен-

ной поневоле жизни, и ежели бы не беспокоивали их чинимые иногда размышления, что их оное преодолеть может и следственно они неизбежно оттого умереть будут должны,— то бы они имели причину быть довольными все, кроме одного штурмана, у которого была жена и трое детей. Он, как то сам мне сказывал, ежечасно думал об них и тосковал о разлучении с ними.

Но время мне обратиться к описанию самого острова и объявить то, что мне несчастные оного жители об нем сказали.

Сей остров Ост-Шпицберген, у россиян Малым Бруном называемый, лежит по сочиненной Герардом ван-Кейленом, а исправленной Иоганном Петерсеном штурманом морской карте¹⁴, представляющей полунощную часть Европы, между 77°25' и 78°45' северной широты и следственно между концом¹⁵ третьего и началом четвертого климата¹⁶. Из чего следует, что самый должайший день там в году бывает четыре месяца, я разумею в той стороне, которая противоположна обитаемой нашими матрозами. По силе означенного морского чертежа, представляется сей остров во образе пятиугольника. В длину имеет он от востока до запада 23, а в ширину от севера к югу 22 немецкие мили¹⁷. Но как я позабыл оных острова жителей спросить о величине его, то для большей достоверности принужден был прибегнуть к той карте, которая им была предложена по возвращении их в свое отечество. Узнав на оной остров сей, показали они и место, где построена была их хижина, и заметили оное пером на присланной мне от города Архангельского карте.

А что они справедливо указали сей остров, то доказывает своим ко мне письмом от 15 декабря 1750 г. упомянутый уже в начале сего повествования, оно есть следующего содержания: «Капитан одного галиота, называемого «Николай и Андрей» и принадлежавшего графу Петру Ивановичу Шувалову, перезимовал в 1749 г. на Малом Бруне. Как он скоро по отъезде наших матрозов туда прибыл, то и нашел хижину, которая им служила жилищем. Он узнал ее по деревянному кресту, который над дверями поставлен был штурманом Алексеем Химковым, как оный вступил в сию землю: тогда же назвал он ее по его имени Алексеевским островом...»¹⁸

Я должен еще присовокупить некоторое в сем письме содержащееся особливое обстоятельство, которое доказывает,

что сей остров имеет нарочитую округность. Многие из самоедов, узнав о приключениях, случившихся с сими матрозами, и выведав обо всем том, что касается до сего острова, объявили господину Вернезоберу, что они желают там поселиться, но с тем договором, чтобы их туда перевести с их женами, детьми и с сайгачами безденежно.

Прежде нежели я войду в подробное описание одного острова, не непристойно может быть будет принять в рассуждение и следующее. Некоторые писатели думают, что Новая Земля свойственно есть не остров, или, как другие утверждали, не часть на ней матерой земли, но только куча льду, который от времени до времени умножался и собирался в одно место, и так представился путешествующим в виде земли. Причина, на которой они утверждают, есть между прочим сия: когда начнешь на один или на два фута глубины рыть здесь землю, которая по их сказкам от берегов Азии сюда принесена, то ничего больше не попадетя, как лед.

Я не хочу ни утверждать, ни опровергать сего доказательствами, потому что оно не надлежит к моему предмету. Сверх того я не читал всех тех писателей, которые о том объявляют и кои, может быть, для утверждения или опровержения сего мнения причины приводят. Довольно будет, когда я скажу, что остров Шпицберген, о котором здесь идет речь, без сомнения почитаться должен за настоящую землю, что ясно усмотреть можно из описания, которое мне сии мореходцы сообщили.

Здесь, как они меня уверяли, находятся многие горы и ужасной величины острые камни, которые бывают во всякое время покрыты льдом и снегом. Не растет ни одно большое дерево и ниже самый малый кустарник, кроме ложечной травы, но и она находится там в весьма малом количестве. Прочие же травы совсем не произрастают, мху, напротив того, бывает там по всем местам очень много. Почти в середине сего острова находится жирная земля или глина, из чего с нарочитою вероятностью заключить можно, что прежде в оной земле была железная руда или со временем она окажется, а может быть и теперь, ежели бы начать копать, она нашлась¹⁹. Хотя не усмотрено там ни одной реки, однако в воде нет нисколько недостатка, ибо великое множество ручьев истекает во всякое время с гор и камней, которые имеют довольно ключей и источников. Кроме кремня или голышков, которых там довольно нахо-

дится, есть еще такие камни, которые способны к деланию извести. Оные камни попадаютя там на поверхности земли, в других же землях добываются оные обыкновенно из нарочно выкопанных ям. В России употребляют их для делания извести, которою обмазывают основу домов и они в прочем подобны тесаным камням, кроме того, что со временем, постояв на воздухе, разваливаются они слоями и, подобно шиферным камням, разделяются на листочки. Наконец, берега сего острова покрыты песком и хрящем, которого также и на середине одного несколько попадаетя. О показанных теперь особенных подробностях наведывался от наших мореплавателей, следовательно надлежало мне спросить их также и обо всем том, что они усмотрели как в рассуждении явления и отсутствия солнечного, так в рассуждении умеренности воздуха и разных его перемен, в сих местах бывающих. Словом, я не упустил спросить их обо всех явлениях, во время пребывания их на сем острове случившихся.

Как я их спросил, когда является там солнце на горизонте, то отвечали они мне, что сие бывает в начале великого поста. Но сей ответ не показывает определенного дня, поелику пост переменяется завсегда, смотря как поздно или рано бывает пасха. Простые мужики, которые не умели назначивать время пасхи и которые может быть никогда не примечали со вниманием, что сей праздник приходится иногда ранее, иногда позже, итак не в состоянии были меня в сем удовлетворить, потому что они, по своему обыкновению, время хотели назначить помощью церковного устава.

Время, в которое они начали усматривать обращающееся около горизонта солнце, показали они, повидимому, исправнее и лучше, ибо они говорили, что сие бывает в день св. Афанасия, который приходит по старому стилю во 2 число мая. Они сказывали также мне, что десять или одиннадцать недель оно имело сие течение. Итак, ежели сие последнее время, которое в рассуждении одного острова есть самое вероятнейшее принять, то продолжалось оно солнца обращение до 15 июля²⁰. Потом, говорили они, начало солнце каждые сутки восходить и заходить, и сие продолжалось до празднования памяти св. Димитрия, т. е. до 26 октября. Около сего времени перестало оно совсем являться²¹.

Сие положение времени, сказанное ими, не справедливо, ибо как я одного искусного человека²² спросил о сем обстоя-

тельстве, то ответствен за следующее. Ежели положить, что остров, на котором они находились, лежит на 77-м с половиною градусе широты, где он означен на морской карте мною упомянутой, то солнце в первый раз появится на горизонте 4 февраля и продолжает течение свое от 11 апреля до 8 августа, а наконец 16 октября совсем перестает светить.

Но хотя они в показании явления и совершенного отсутствия солнца, также в определении по церковным праздникам времени, в которое он обтекает около их полушария, и нарочито ошиблись, однако из сего не последует, чтоб они равную погрешность учинили в том, сколь долго они прожили на сем острове.

Вот чем доказывается.

15 августа, в день успения пресвятыя богородицы, прибыло к сему острову судно, на котором они возвратились в свое отечество, а бедные матрозы, которые отправляли за всегда большие церковные праздники по своей возможности, они считали день успения пресвятыя богородицы двумя днями ранее, и, следственно, думали они, что это было 13 число августа²³. Сия маловажная погрешность могла произойти от разных причин, например, оттого, что в летнее время солнце имело обращение около горизонта почти ровно 4 месяца, а в зимнее столь же долго продолжалась темнота и мрак; от ненастливой и туманной погоды, от времен снегу и дождя, препятствовавших им видеть звезды и пр. Мы имеем справедливую причину спросить, каким образом они, не имея ни стенных, ни карманных часов, ниже солнечных и лунных указателей, могли назначить долготу дня в то время, как солнце около их обтекло, а особливо, когда они его совсем не видели. Я не преминул, чтобы их не спросить о сем обстоятельстве. Штурман, удивившись моему вопросу, ответствен за мне с некоторым негодованием: «какой же бы я был штурман, если бы не умел снять высоты солнца, ежели оно светило видно? и ежели бы не знал поступать по течению звезд, когда солнца не видно будет, и сим способом не мог бы определить суток. Я сделал для сего употребления палку, которая сходствовала с оставленною на нашем судне. Сей инструмент употреблял и для учинения наблюдений».

Из сего я заключил, что сей инструмент, о котором он мне сказывал, был такой, который называется астроно-

мическою палкою (Jacobs Stab) или по крайней мере имел некоторое подобие²⁴.

Зимой месяц светит, как они мне сказывали, в здешних местах почти два месяца сряду, и становится от часу больше, смотря по тому, как коротки дни бывают. Я оставлю сие на рассмотрение астрономам, правду ли он мне сказывали, что касается до меня, то я доволен токмо одним сим показанием²⁵.

Зимой видно бывает здесь также и то воздушное явление, которое природы испытатели называют северным сиянием, и кое много способствует к прогнанию страшных мечтаний, от густой мглы происходящих, которая в сих местах в толь долгие ночи все покрывает.

Должно думать, что сия земля, которая находится не в дальнем расстоянии от полюса и в которой солнечный жар весьма умерен, хотя там солнце чрез несколько месяцев непрестанно освещает, во время зимы подвержена бывает такой же несносной стуже; однако дело сие совсем другого свойства. Ибо почти семь недель, т. е. с половины ноября до начала января месяца, которое время по объявлению сих добрых людей начинается с Филиппова поста, то есть с 15 ноября, и продолжается до богоявления господня, что бывает 6 января, в сие время, говорю я, льет беспрестанный на сем острове дождь²⁶, и бывает потом нарочито тихая погода и умеренная стужа, но по прошествии оного становится несносною, а особливо когда бывают ветры, наипаче же южные.

Правда сие удивительно потому, что южный ветер во всех землях бывает обыкновенно тепел, а северный холоден, но здесь надлежит рассмотреть, что полуденный ветер в рассуждении сих островских жителей проходит чрез всю снегом покрытую во время зимы Европу, а особливо чрез все полунощные земли, где он привлекает к себе всю сию стужу; напротив того, северный, проходя чрез отверстие моря, вместо того чтобы умножать свою холодность, притягивает пары, нежели снег. Сие можно узнать в приморских местах, что ветры на сухом пути бывают завсегда студнее, нежели на море. В подтверждение вышеобъявленного, говорят то же самое все те, кои были на Рифейских горах²⁷ или на связи гор, которые называются земным поясом и отделяют Европейскую Россию от Сибири, что и наши островские жители сказывали о полуденных и полунощных ветрах.

Что ж касается до снега, то выпадает оно толикое множество на сей остров, что зимою была вся их хижина оным занесена так, что не имела никакого другого из оной выхода, кроме отверстия, кое они принуждены были сделать в кровле передней своей горницы.

Спрашивая сих людей о непогодах, уведомился я от них, что во все время их на сем острове пребывания был один только раз град.

Ежели исключить белых медведей, сайгачей и лисиц, коими сия земля, как я уже выше сего упомянул, изобилует, то столь же мало находится в оной прочих четвероногих, как и людей, а хотя летом и видны там некоторые птицы, но сии суть: гуси, утки и прочие сим подобные.

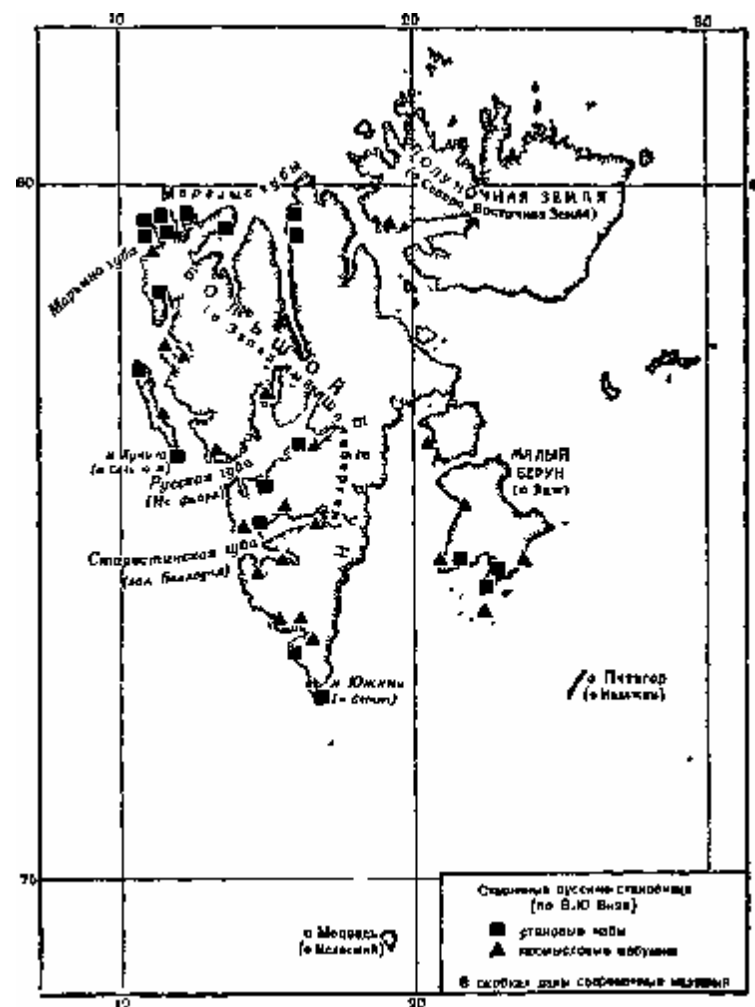
В море, окружающем сей остров, нет никаких рыб. Наши матрозы, которые весьма в другом случае строго закон свой наблюдали, не могли содержать ни больших постов, ни обыкновенных постных дней. Хотя бы было в рыбе и изобилие, однакож оно ни малые бы пользы сим бедным людям принести не могло, ибо они не имели ни уд, ни сетей, и таким образом ничего поймать не могли, но разве желание питаться оными научило бы их делать крючки. Помощию оных достигли бы они, может быть, своего желания, но уповательно не без великих трудов.

Весьма редко видимо было, чтобы киты приближались к сему берегу, но находятся там в великом множестве тюлени и моржи. Итак, не должно удивляться, что россияне в сем месте зимовали. Они отправляют в оном великий торг кожами, клыками и салом, которое вынимают из сих зверей, а особливо из последних; то только удивительно, что во время пребывания сих мореходцев на острове ни одно судно к нему не приставало. Из сего заключаю я, что выгода, которую они в сей стране от рыбной ловли получают, не столь велика, как та, которую они приобретают на западной стороне острова Шпицбергена, куда они обыкновенно ездят.

Часто случалось, говорили они, находить им на морском берегу клыки морских быков²⁸, да и целые челюсти; целого же скелета никогда найти не могли, чему и удивляться не должно; также нет и в том сомнения, что белые медведи, а может быть и лисицы их не съедали, когда умрут они на сухом пути.

Сие великое множество зубов и челюстей, кои видны на сем берегу, довольно доказывает, что плотоядные звери

Шпицберген

нападают на спящих на берегу морских быков или моржей и их пожирают; догадываюсь я потому, что медведи питаются обыкновенно мертвыми китами, кои часто плавают по морю или бывают выброшены погодою на берега сих близ полюса лежащих земель. Известно также и то, что ролдуги или сайгачи питаются мхом, которым сия необитаемая и пустая страна весьма изобилует. Но чем питаются находящиеся там лисицы? Известно, что сей плотоядный зверь на твердой земле кормится птицами и зайцами, коих он ловит; таким образом, должно думать, что они питаются в сих землях остатками убиенных медведями зверей, потому что они сами не в силах убивать таких животных, кои медведям противиться не в состоянии.

Прежде нежели начну я говорить о счастливом и нечаянном освобождении сих бедных людей из той страны, где они думали препроводить в печалах остальное время своей жизни, должно мне присоединить к сему некоторое особенное известие, которое, кажется, примечания достойно; во все время своего на сем острове пребывания не были они обеспокоены ни блохами, ни вшами, но как возвратились в свое отечество, то появились у них опять сии насекомые гадины.

Почти все путешествующие объявляют, что как скоро минешь экватор, то матрозы, у коих весьма много вшей и кои между прочими причинами, как некоторые объявляют, носят для сего сделанные из синего полотна рубахи, от оных совсем освобождаются, но как скоро перейдут они опять чрез сие место, то опять сие насекомое у них показывается. Сии между собою очень сходные случаи заставляют меня принять в рассуждение то, что, по моему мнению, нарочито с правдою сходно. Ибо, как переход чрез равноденственную линию и чрез Полярный круг имеют равное действие, то должно находиться между ними некоторому соединению: таким образом, весьма бы полезно было, когда бы искусные

29

естествоиспытатели оное рассмотрели .

Несчастливые сии люди прожили почти шесть лет в сем печальном жилище, как упомянутый уже Федор Веригин умер, который перед смертью только был слаб и претерпевал жестокое мучение. Сия смерть, которая хотя и избавила их от старания ему служить и его кормить и лишила печали чувствуемой, видя его страждуща без помощи; однако же была для них весьма чувствительна. Они усмотрели также, что число их уменьшается и осталось их только трое. Но

30

как он умер зимою, то выкопали в снегу такую яму, какую им сделать можно было, и положили его тело в нее, укрывши хорошенько, дабы не пожрали его белые медведи.

Наконец, думая каждый из них оказать сей последний долг и прочим товарищам, или от оных себе получить, усмотрели они противу чаяния 15 августа 1749 г. российское судно.

Сие судно принадлежало некоторому купцу, находящемуся в числе таких людей, кои последуют, как они говорят, старой вере и потому староверами называются. Сие почитается в России великою ересью и сообщники оной называются у россиян раскольниками, что значит отступивших

30

от веры .

Хозяин оного судна прибыл в Архангельской город, отправил его в Новую Землю, чтобы перезимовать, но, по счастию наших матрозов, предложил господин Вернезобер ему отослать оное лучше к Шпицбергену для зимования, которое предложение, наконец, он по многим отговоркам и принял.

Как они находились в пути, то ветер сделался им противен, судно не могло приехать к тому месту, куда оно назначено было, а прибило его к той стороне Шпицбергена, где наши несчастливцы обитали. Сии, усмотрев его, поспешили разложить огни на возвышенных местах, находящихся не в дальнем расстоянии от их жилища, и прибежали к берегу с копьем, на коем воткнута была сайгачья кожа. Те, кои на оном судне находились, приметив сей знак, заключили, что на сем острове находятся люди, кои просят у них помощи; чего ради и остановились пред оным.

Тщетно бы было описывать радость, которую почувствовали сии бедные люди, увидя нечаянное свое освобождение. Они начали говорить с начальником сего корабля, вступили к нему на службу и уговорились заплатить ему 80 рублей, когда отвезет со всем их имением в отечество. Таким образом, положили они на корабль 50 пудов сайгачьего сала, множество кож, как сих зверей, так и белых и черных лисиц, и те десять, кои они содрали с убитых ими медведей. Они не позабыли взять с собой свой лук, стрелы, копыя или рогатины, также негодный топор, испорченный нож, шилья, иглы, которые лежали в костяной коробке, ими искусно поощию ножа сделанной, жилы белых медведей и сайгачей, словом, все свои пожитки.

31

Все сии вещи отослал господин Вернезобер к графу Петру Ивановичу Шувалову, а сей господин препоручил их мне в сохранение. Таким образом, имел я случай рассмотреть их хорошенько и показать многим любопытным людям, а между прочим и господам профессорам императорской Академии наук, кои им довольно не могли надивиться. В доме сего же господина говорил я неоднократно со штурманом Алексее Химковым и матрозом Иваном Химковым и спрашивал их о приключениях.

Прошу дозволить мне рассказать мимоходом малый спор, который мы имели о костяном ящичке, выработанном сими людьми, куда они свои иглы клали.

Показав оный некоторым любопытным людям, сказал я, что оный сделали матрозы своим ножом, в чем говорил я им, они меня уверили. Но сии господа утверждали, что то неправда, что оная коробочка выточена и что меня матрозы в сем обманули. Из того они заключили, что не должно верить и всем сказуемым сими людьми приключениям, кои с ними случились на сем пустом острове.

Во время нашего спора вошел ко мне в горницу господин Гоманн³¹, искусный токарь, коего я увидев, сказал своей компании: вот человек, который может совершенно разрешить наш спор. Потом, оборотившись к нему, предложил ему спорное дело так, чтобы можно было подумать, что он во угождение мне меня оправдал. Решите спор, прошу я вас, между мною и сими людьми; я говорю, что сия коробочка выточена, а они утверждают противное. Гоманн, взяв онаю в руки и рассмотрев хорошенько, сказал, что сии люди говорят правду и что это совсем не токарной работы, а она сделана из кости круглою ножиком. Услыша такой ответ, собрание замолчало, а я сказал, понеже матрозы объявили мне в сем случае правду, как и вы сами слышали, то я с моей стороны из сего заключаю, что все то, что они мне ни говорили, справедливо.

Теперь обращаюсь я опять к своим мореходцам. Они прибыли благополучно 28 сентября 1749 г. в город Архангельский, прожив шесть лет и три месяца в том уединенном месте.

Прибытие в оный город штурмана едва не сделалось пагубным его жене, да и самому ему. Она в то время стояла на мосту, как судно приставало, и, узнав своего мужа, коего она нежно любила и коего, не видя долгое время, почитала уже мертвым и оплакивала. Вышед из терпения и не дождав-

шись, пока он сойдет с судна, скочила она по неосторожности с мосту в воду, дабы поспешить в его объятия, но едва тут не утонула.

В заключение сего должен я упомянуть, что сии люди, кои толь долгое время без хлеба жили, с трудом могли оный есть. Они жаловались, что оный тяжело раздувает брюхо. То ж самое они говорили и о напитках и пили только для того чистую воду³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Царское правительство несколько раз давало зверобойные промыслы в Ледовитом море и торговлю салом в откуп частным лицам. В 1703—1721 гг. этой монополией владели Меншиков и Шафиров, после чего в Архангельске было учреждено «Казенное салное комиссарство», а с 1748 до 1768 г. монополия предоставлена была генерал-фельдмаршалу графу П. И. Шувалову. В 1768 г. была введена вольная торговля звериным салом.

² В русском издании 1772 г. эта фамилия пишется «Гимков», в оригинальном же немецком издании «Himkof». Правильное русское правописание этой фамилии несомненно «Химков».

³ Русский китобойный промысел на Шпицбергене был развит лишь весьма слабо, моржовый же промысел производился в широких размерах.

⁴ Ост Шпицберген (по-старопоморски Малый Брун) известен на современных картах под названием о-ва Эдж. Этот остров был открыт в 1614 г. голландцем Каролусом [Каролем]. Название «остров Эдж» (Edes Island) впервые встречается на карте Московской компании 1625 г. Остров назван по имени известного английского мореплавателя [Томаса Эджа], служившего в Московской компании и девять лет подряд плававшего на Шпицберген (1611—1619).

⁵ И. И. Соколов любезно сообщил нам следующее: «Судя по описанию, нужно полагать, что под словом «сайгачь» автор понимает дикого северного оленя. На это указывает описание его рогов и еще больше указание, что сайгачь «делает составами в своих нотах великий шум», что характерно как раз для северного оленя. Дальше он сам же указывает на его настоящее название, когда говорит, что «лапландцы, самоеды и часть тунгузов, которые от слова олень (так называют россияне сего зверя) слывут оленными

тунгузами, потому что они их впрягают в сани и у *nom* *re*-*ble*ют в место лошадей».

⁶ В русском издании 1772 г. вместо «оленными» стоит «оленями».

⁷ В изданиях сочинения Ле Руа, вышедших на иностранных языках, автор в этом месте делает небольшое отступление, объясняя, что надо писать *Novaia Zemla*, а не *Novaia Zembla* (французы и сейчас еще называют Новую Землю *Nouvelle Zemble*).

⁸ В. К. Есипов любезно сообщил нам следующее: «Под черными лисицами автор, безусловно, подразумевает голубых песцов, которые в те времена встречались на Шпицбергене в значительно большем количестве, чем, например, на Новой Земле. Так, по Литке, на Шпицбергене из 10 песцов ловится 8 голубых и 2 белых, на Новой Земле — наоборот. Миддендорф, со слов поморов, побывавших на Шпицбергене, утверждает, что там встречается до 15 или даже 30% голубых песцов. Есть указания, что и в более новое время голубые песцы на этом острове водятся в значительном количестве (см. подробнее: А. А. Парамонов. Песец и песцовый промысел, Л., Акад. наук, 1929, стр. 21—31)».

⁹ Автор касается труда академика Герарда Фридриха Миллера (1705—1783) «Описание морских путешествий по Ледовитому морю и по Восточному морю с Российской стороны учиненных», опубликованного им в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» за 1758 г. (в том же году этот труд был опубликован на немецком языке в *Sammlung russischer Ceschichte*, Bd. III, а в 1766 г. он был издан в Амстердаме на французском языке).

¹⁰ Имеются в виду Галапагосские о-ва, лежащие на экваторе, к западу от Южной Америки (*galapago* — по-испански черепаха). [Возможно также, что речь идет об о. Тортуга («черепаха») у берегов Венесуэлы].

¹¹ P. L a b a t. *Nouveau Voyage aus lies de l'Amerique*.

¹² Георг Вильгельм Стеллер (1709—1746), занимавший в петербургской Академии наук должность адъюнкта натуральной истории, был исключительно талантливым естествоиспытателем, известным своими исследованиями на Камчатке [а также в Северо-Западной Америке и на о. Беринга].

¹³ В оригинальном (немецком) издании книги Ле Руа здесь имеется еще несколько строк о способе добывания огня, практикующемся у готтентотов.

¹⁴ Автор имеет в виду составленную Gerard van Keulen'ом и изданную около 1710 г. карту Шпицбергена под названием «*Nieuwe afteekning van Het Eyland Spits-Bergen opgegeven door de Commandeurs Giles en Outger Rep en in't Ligt gebracht en uytgegeven door Gerard van Keulen*». Исправленная Иоганном Петерсеном карта ван-Кей-

лена редакции неизвестна. Отметим попутно, что английский издатель сочинения Ле Руа (1774) С: Heidinge предпологал приложить ко второму изданию этого сочинения «новую точную карту Шпицбергена, для которой он собрал много ценного материала» (Conway, No man's Land, p. 340). Однако обещанное второе английское издание так и не появилось в свет.

⁵ В русском издании 1772 г. здесь имеется опечатка: вместо «концом» стоит «конусом».

⁶ Древние географы делили земной шар по параллелям на несколько поясов, называвшихся «климатами». Это были в сущности астрономические климаты.

⁷ Одна немецкая миля равна 7,4 км.

⁸ Из сообщения капитана «Андрея и Николая» следует, что Х и м к о в и его товарищи жили на о-ве Эдж. Так как русское становище в юго-западной части этого острова, описанное К e i l h a u и Lament, лежит в широте $77\frac{1}{2}^\circ$ и примерно в этой же широте, как будет видно ниже из рассказа Х и м к о в а, зимовали четыре матроса, то иногда высказывалось предположение, что местом их зимовки и служило указанное становище. Против такого предположения, однако, высказался К e i l h a u и, писавший по этому поводу следующее: «Место пребывания Химкова и его спутников, позидимому, следует искать на восточной стороне Stans Foreland (о-ва Эдж) и, судя по некоторым обстоятельствам в рассказе матросов, я отнюдь не склонен, как это делает Ле Руа, считать, что этот большой остров (т. е. о-в Эдж) и есть Алексеевский остров. Под последним, быть может, следует понимать о-в Полумесяца (Halfmoon-Island, небольшой остров, лежащий у южного берега о-ва Эдж)». Что изба, в которой жили Х и м к о в и его товарищи, не была той избой, которую описали К e i l h a u и L a m o n t, усматривается из того, что последняя изба стояла у самого берега, тогда как изба Химкова, по его словам, находилась «от берега почти на четверть мили в расстоянии». В настоящее время определить точное местоположение зимовья Химкова не представляется возможным, и можно только сказать, что оно было расположено либо на о-ве Эдж, либо на одном из маленьких близлежащих островов.

¹⁹ Проф. С. В. Обручев любезно сообщил нам следующее: «Вероятно, здесь имеется в виду железная сметана — тонкочешуйчатая разновидность железного блеска, мягкая и жирная на ощупь, охристый красный железняк или какие-либо охристые железистые глины. О-в Эдж сложен свитами триаса, но ввиду наличия здесь интрузий диабазы возможно и нахождение железных руд, связанных с ними; не исключена возможность находки пластов сидерита и в триасе. Все эти руды при выветривании могут дать охристые массы».

⁵⁰ Здесь числа даны по старому стилю, разнившиеся в XVIII веке от нового стиля на 11 дней.

²¹ Время начала (13 мая нового стиля) и конца полярного дня (около 29 июля нового стиля) показано Химковым безусловно неправильно, ибо даваемые им даты соответствуют широте около $71\text{V}2^\circ\text{N}$. Так как начало полярного дня Химковым было указано слишком позднее, а конец полярного дня — слишком ранний, то можно предположить, что в месте зимовки матросов северный горизонт был закрыт горами. День начала полярной ночи (6 ноября нового стиля) показан матросами также неверно, ибо этой дате соответствует примерно 74-я параллель. Здесь ошибка все же меньше, чем для полярного дня, а потому можно думать, что в районе зимовки Химкова южный горизонт был более открыт, чем северный.

²² Автор имеет в виду члена петербургской Академии наук профессора Кратценштейна.

²³ В русском издании 1772 г. здесь имеется опечатка: вместо 13 августа стоит 15 августа.

²⁴ Проф. Н. Н. Матусевич любезно сообщил нам следующее: «Астрономическая палка — Baton astronomique, Jacobs Stab, Baton de Jacob, arbalestrille, астрономический крест есть старинный морской угломерный инструмент, называвшийся также градиштоком, которым моряки пользовались для измерений высот светил в море».

²⁵ Во французском издании сочинения Ле Руа здесь имеется выноска, в которой приводятся некоторые наблюдения над луной во время зимовки Баренца на севере Новой Земли в 1596 г.

²⁶ На Шпицбергене дождь, действительно, случается и зимой, но все же он составляет в это время года довольно редкое явление, а потому утверждение Химкова, что в декабре в первой половине января (нового стиля) дождь лил «беспреданно», есть, конечно, сильное преувеличение. По наблюдениям метеорологической станции в Гринхарбуре (Айсфьорд) за 16 лет (1912—1927) в период года с 1 декабря по 31 января в среднем бывает 3 дня с дождем, причем вероятность выпадения дождя одинакова в декабре и январе. Наиболее дождливой была зима 1921/22 г., когда в декабре было отмечено 4 дня с дождем, а в январе даже 6 таких дней. Впрочем, станция в Гринхарбуре находится в своеобразных топографических условиях, а потому не исключено, что на юго-восточной окраине Шпицбергена вероятность выпадения дождя зимой больше, чем в Гринхарбуре.

²⁷ Под Рифейскими горами Л е Р у а понимает Уральский хребет. Рифейскими горами древние греки называли мифические горы, ограничивающие известную им часть земного шара на севере. Плиний старший в своей «Historia naturalis» (23—27 гг. нашего летосчисления) пишет, что в области Рифейских гор постоянно падает мягкий, как

пух, снег и что «эта часть земли проклята природой и окутана густым мраком; здесь не рождается ничего, кроме холода и северных ветров».

²⁸ Под «морскими быками» подразумеваются моржи. Это название, повидимому, установилось со времен экспедиции Баренца 1594 г. Герард Де-Веер, описавший эту экспедицию, сравнивает встреченных у Новой Земли моржей с быками.

²⁹ Высказанное Ле Руа забавное предположение о связи между вшивостью человека и переходом последнего через экватор или Полярный круг, конечно, никакого основания под собой не имеет.

³⁰ Во французском издании сочинения Ле Руа здесь на четырех страницах объясняется слово «раскольники».

³¹ Во французском издании Н о т а п п.

³² Во французском издании сочинения Ле Руа имеется небольшое прибавление, занимающее 5 страниц in 12°. В нем приводится письмо профессора Кратценштейна, рассматривающего вопрос о несоответствии между днями восхода и захода солнца в месте зимовки Химкова с географической широтой этого места. Кроме того, приводится конец рассказа Клингстадта, обнимающий всего только 13 строк (говорится о том, что матросы прибыли -в Архангельск в полном здоровье), а также написанные Вернезобером 15 строк, в которых положение Химкова и его спутников сравнивается с положением Робинзона Крузо.

Петр Людовик Ле Руа

Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурей принесенных

Редактор *С. Н. Кумкес* Художник *В. А-Селенгинский* Художественный редактор *В. Г-Петухов* Технический редактор *С. М. Кошелева* Корректор *Е. Б. Сницарева*

№ Т03775. Сдано в производство 26/V 1955 г. Подписано к печати 30/VI 1955 г. Формат 84 X Ю8/32. Физических листов 1,25. Печатных листов 2,05. У четно-издательских листов 1,89. Тираж 100000. Цена 60 коп. Заказ 497.

Географгиз, Москва, В-71, Б. Калужская, 15

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической промышленности
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.